

УДК 321.74:328.161

*Осипова С. А., Приднестровский государственный
университет им. Т. Г. Шевченко (г. Тирасполь)*

НЕПРИЗНАННЫЕ ГОСУДАРСТВА ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В статье обозначены политические предпосылки возникновения в начале 1990-х годов на постсоветском пространстве непризнанных государственных образований и представлен анализ степени их влияния на ход политической истории после распада союзного государства. Автором представлены историко-политологические обоснования самоопределения постсоветских непризнанных государств. Несовпадение в СССР административно-политических, экономических, этно-лингвистических, культурных и прочих границ, по мнению автора, стало первопричиной возникновения самоопределившихся постсоветских государств.

События 2008 г., связанные с вооруженной агрессией Грузии против Абхазии, признание Россией независимости Абхазии и Южной Осетии, очередной раз подтвердили актуальность проблем формирования наций и государств на постсоветском пространстве, в том числе на территориях с особым государственным статусом. По мнению российского политолога Е. Мелешкиной, опыт развития территориальных политик, возникших после распада СССР, показал, что при всех различиях между ними имеется ряд существенных сходств. В частности, возникают и воспроизводятся похожие угрозы стабильности и безопасности в виде территориальных конфликтов, в том числе вокруг непризнанных государств. В этой связи исследовательница задается следующими вопросами. Каковы общие причины возникновения непризнанных государств и особенности их внутриполитического развития? Есть ли связь между основными тенденциями формирования государств и наций на постсоветском пространстве и международным статусом соответствующих государственных образований? Каковы перспективы признания территорий с особым государственным статусом? [6].

Попытка разобраться в обозначенных вопросах представляется нам весьма актуальной.

Признанный в экспертном сообществе норвежский политолог С. Роккан и его коллеги предложили универсальную исследовательскую

логику, позволяющую анализировать процесс образования новых независимых государств на предмет их жизнеспособности, перспектив поступательного развития и включения в систему современных международных отношений. В частности, один из последователей С. Роккана С. Бартолини предлагает рассматривать формирование любого территориального образования в терминах консолидации центра и границ, определения критериев членства, а также политического структурирования [6]. Следует признать, что данный подход предоставляет нам возможность рассматривать образование на территориях распавшихся социалистических федераций новых независимых государств как процесс, предусматривающий территориальную консолидацию, формирование институциональной структуры (включая нормативные основы) и социокультурные механизмы объединения сообщества. Обращение к предложенной европейскими политологами исследовательской логике позволяет сделать ряд выводов, важных для понимания причин возникновения и процессов функционирования непризнанных государств постсоветского пространства как политического феномена.

Так, при всех отличиях между постсоветскими странами при их сравнительном анализе обнаруживается важная общая особенность. Эти государственные образования переживают так называемый «имперский транзит»: их объединяет общее имперское наследие, обостряющее проблемы формирования институциональных основ государства, консолидации границ и политического структурирования. Во многом эти проблемы были связаны со спецификой организации советской власти и проводимой в СССР национальной политики.

В оценках профессора Лондонской школы экономики Д. Ливена Советский Союз состоял из «государств-сегментов» (термин предложен Ф. Редером [6]), многие из которых были сформированы в рамках современных границ лишь в советский период. Наиболее показательным примером в этом отношении, по мнению английского ученого, является создание советских республик Центральной Азии, границы которых были нарезаны произвольно. Однако, в отличие от административно-территориального деления африканского континента, подчеркивает Д. Ливен, все-таки с учетом распространения языков экономической жизнеспособности регионов, клановой принадлежности и т. д. [5, с. 164].

В целом соглашаясь с приведенными подходами к анализу ситуации, связанной с образованием непризнанных государств постсоветского пространства, позволим себе высказать следующую точку зрения. Ошибочным, на наш взгляд, является мнение некоторых

зарубежных и российских экспертов, которые формулируют свое отношение к самопровозглашенной государственности Приднестровья, Абхазии, Южной Осетии и Нагорного Карабаха акцентируют внимание на ее связи соответственно с молдавской, грузинской и азербайджанской государственностью, трактуя правопреемство Приднестровской Молдавской Республики в пользу молдавского государства, т. е. Молдавской ССР, Абхазии и Южной Осетии – Грузинской ССР, а Нагорного Карабаха – Азербайджанской ССР. В рамках такого подхода, к примеру, о Республике Молдова и Приднестровской Молдавской Республике приходится говорить как о двух молдавских государствах. В этой связи уместно обратиться к проблеме «советского наследства». Очевидно, что на постсоветском пространстве представлены две группы государств: первые – страны Балтии, Украина, Молдова, Азербайджан – демонстрируют идеологический разрыв с советской государственностью, вторые – Россия, Беларусь – рассматривают советский период как неотъемлемую часть своей истории. Ко второй группе относятся и Приднестровье, и другие непризнанные государства. Приднестровские историки и политологи, в частности И. Благодатских, связывают правопреемство Приднестровья не с Молдавской ССР, а с СССР в целом. В международном праве существует понятие «правопреемство государства на определенной территории», исходя из которого можно утверждать, что на постсоветском пространстве в начале 1990-х годов сложились не 15, как принято считать по количеству союзных республик, а 19 государств [2, с. 49]. Тем более что и по времени провозглашения и Приднестровье, и кавказские непризнанные государства возникли до распада СССР.

К концу 1980-х годов три постсоветских непризнанных государства, расположенных на Кавказе имели автономный статус внутри Грузинской и Азербайджанской союзных республик, Приднестровье в обозначенный период истории как административно-территориальная единица не было выделено и входило в состав Молдавской ССР отдельными районами и горсоветами.

Одним из базовых противоречий в подходах к оценке политико-правовых обоснований приднестровской государственности, сложившихся в политической науке, является вопрос об исторических условиях вхождения территорий Молдовы и Приднестровья в единое государство: представители кишиневской школы считают левобережные районы Днестра неотъемлемой частью Республики Молдова, приднестровские же политологи настаивают на том, что до 1940 г. Приднестровье и Молдова никогда не составляли единого

молдавского государства, а образование Молдавской ССР являлось искусственным политическим шагом, вызванным конъюнктурой политического процесса рубежа 1930-1940-х годов. При этом неоспоримым является факт существования с 12 октября 1924 г. по 1 августа 1940 г. на территории Приднестровья самостоятельной государственности – Молдавской Автономной Советской Социалистической Республики. 12 октября 1924 г. III сессия Всеукраинского Центрального Исполнительного комитета восьмого созыва приняла решение об образовании МАССР в составе Украинской ССР [1, с. 34]. Идея создания молдавской автономии, на наш взгляд, коррелировалась с перспективой объединения «разделенного» Днестром молдавского народа в едином государственном образовании в составе СССР.

После революционных событий 1917 г. в Абхазии предпринимались попытки возрождения государственности в лице Горской Республики, однако дальше формально-декларативных начинаний ничего не удалось осуществить, поскольку уже в 1918 г. территория страны была оккупирована войсками буржуазной Грузинской Демократической Республики. С победой в 1921 г. на территории Абхазии советской власти была провозглашена независимая Советская Социалистическая Республика Абхазия, и что интересно, через два месяца ревком Грузии признал независимость Абхазии [4, с. 17]. Государственно-правовой статус Абхазии в период советского этапа исторического развития неуклонно понижался, что являлось исключением из общей схемы национально-государственного строительства в СССР: большинство советских национальных автономий, наоборот, повышали свой статус. Уже к концу 1921 г. Абхазия заключила с Грузией особый союзный договор, передавая последней часть суверенитета. Абхазия стала официально именоваться Договорной Советской Социалистической Республикой [4, с. 18]. Кроме Абхазии такого статуса в границах СССР не имело ни одно другое государственное образование. В 1931 г. статус Абхазии был понижен уже до автономной республики [4, с. 18], непосредственно входящей в состав Грузии, такое положение дел существовало до распада Советского Союза.

Южная Осетия получила самостоятельную государственность в ходе советизации Закавказья в виде Юго-Осетинской Автономной Области в составе Грузинской ССР. 20 апреля 1922 г. декретом Всегрузинского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров Грузинской ССР по национально-государственному размежеванию Закавказья была создана Юго-Осетинская автономная область [7, с. 56]. Следует заметить, что, несмотря на географическое и административное разделение, в обеих частях Осетии живет единый

народ с общей культурой и говорящий на одном языке. Разделение же в 1922 г. можно расценивать как искусственный политический шаг советского руководства, сделанный без какого-либо учета мнения самих осетин. По этому решению Северная Осетия была отнесена к России, а Южная Осетия – к Грузии. При этом автономия Южной Осетии в течение всего советского времени носила номинальный характер. Грузинское руководство проводило в автономии ассимиляторскую политику – осетин вынуждали в документах изменять свою национальную принадлежность, осетинские географические названия заменялись грузинскими и т. д. В современном мире Россия и Грузия являются суверенными государствами с весьма натянутыми взаимоотношениями, осетины же при этом оказались по разные стороны государственной границы.

В период советизации Закавказья в 1920-1921 гг. территория Нагорного Карабаха оставалась спорной между Арменией и Азербайджаном. Советское правительство, в то время активно сотрудничавшее с кемалистской Турцией, оставило Карабах в составе Азербайджана: кемалистский режим воспринимался тогда как форма экспорта антиимпериалистической революции в мусульманском мире. Геополитический вес Армении не шел ни в какое сравнение с мусульманской солидарностью с Советской Россией. В итоге политические процессы, связанные с развитием государственности в Нагорном Карабахе, стали зависимыми от политической конъюнктуры, и он остался в составе Азербайджана. Однако, реализуя принцип национального самоопределения, в 1923 г. Нагорному Карабаху был предоставлен статус автономной области в составе Азербайджанской ССР [8, с. 11]. Этот статус сохранялся за ним на протяжении всего советского периода.

Приведенные исторические факты свидетельствуют о том, что в Советском Союзе реализовывалась практика наложения некоей общей рамки – правовой, режимной, частично культурной (например, производилась унификация в сфере образования) – на советские территории, предпринимались попытки формирования единой гражданской нации. Правда, следует признать, что данная политика осуществлялась непоследовательно. В основе административно-территориальной организации лежал принцип деления на национально-государственные образования. Во многих из них осуществлялась политика «коренизации» и развивался институт «титульности». В этой связи нельзя не согласиться с мнением А. Цуциева о том, что советское государство стремилось создать приемлемую для себя национальную бюрократию (интеллигенцию) и опереться на нее в контроле и поглощении национальной периферии. Однако этот контроль имеет своей обратной

стороной усиление политического влияния представителей титульных этнических групп и усиление самого института титульности – системы неформального обеспечения коллективных прав одних групп в ущерб подобным правам других [7, с. 64]. В СССР осуществлялись широкомасштабные территориальные эксперименты, переселение этнических групп, репрессии и искусственное перемещение титульной группы на периферии советской империи.

Результатом подобной политики стало несовпадение административно-политических, экономических, этно-лингвистических, культурных и прочих границ, послужившее первопричиной возникновения самоопределившихся постсоветских государств. Относительно бесконфликтное существование Абхазии; Южной Осетии, Приднестровья и Нагорного Карабаха в рамках территориального деления СССР было возможным благодаря той общей накладываемой рамке, о которой шла речь выше. С распадом Советского Союза, повлекшего за собой ослабление границ различного рода, потенциальные возможности «выхода» за пределы, обозначенные этой рамкой, стали реальными. В результате «переходные» зоны превратились в очаги ожесточенных территориальных споров, а в ряде случаев даже военных столкновений. Как следствие, в «иерархических» титульных территориях, когда в состав республик входили автономные образования другой этнической группы, возникли новые независимые государства как альтернативные политические проекты.

Таким образом, издержки национальной политики, проводимой в СССР, несовпадение границ, слабый опыт самостоятельной государственности у большинства советских республик привели к тому, что в результате распада Советского Союза среди жителей новых территориальных образований выявились существенные разногласия с метропольными союзными образованиями по вопросам природы государства, основ государственного строительства, обострились межэтнические и межрегиональные противоречия. При этом следует отметить, непризнанные государства постсоветского пространства, столкнувшись с теми же вызовами времени, что и признанные, иногда отвечают на них с большим успехом.

Сравнение внутривнутриполитического развития Приднестровья, Южной Осетии, Абхазии и Нагорного Карабаха подтверждает вывод о том, что статус непризнанных, с одной стороны, осложняет формирование государства и нации, процессы демократизации, с другой, – формируя благоприятные условия для продления состояния сложившегося к началу 2000-х годов непризнанных, мотивирует самоопределившиеся народы к достижению статуса признанных международным сообществом государств.

Вместе с тем, эффект status-quo является далеко не столь однозначным. Замороженность состояния непризнанности самоопределившихся республик, объективно выгодны государствам, формально считающих их своей территорией. Это открывает возможность спекулировать ситуацией, создавая благодаря консолидирующей нацию образ врага и, в предложенных обстоятельствах, рассчитывать на внешнюю помощь (прежде всего финансовую) в решении возможных проблем. В нарушении status-quo объективно не заинтересовано и международное сообщество, поскольку любое решение проблемы непризнанных государств несет в себе угрозу обострения международной напряженности и ставит под вопрос универсальность международных норм и правил, так механизм признания новых государств в системе международного права не отработан.

Каковы же перспективы развития и достижения международно-правового статуса постсоветскими непризнанными государствами? Развитие политического процесса показывает, что перспективы признания или реинтеграции во многом зависят от позиции крупных игроков на международной арене. В том случае, если эти акторы не осуществляют вмешательство, ситуация оказывается замороженной. По мнению Е. Мелешкиной, ситуация, складывающаяся внутри и вокруг непризнанных государств постсоветского пространства, обуславливает наличие двух относительно успешных, но небеспроблемных вариантов развития. Существует теоретическая возможность снятия проблем, связанных с признанием, консолидацией государства и нации в рамках интеграционных образований типа ЕС, уменьшающих значимость национальных государственных границ и национальных структур [6]. Однако на постсоветском пространстве развитые интеграционные надгосударственные структуры (в лице ЕврАзЭС и ШОС) на сегодняшний день только начинают складываться.

Еще одна возможность – частичное признание или получение неполного государственного статуса (в виде кондоминиумов или протекторатов). Подобный вариант позволил бы смягчить некоторые проблемы формирования государств и наций в непризнанных республиках за счет смягчения противостояния внешним центрам и освобождения от значительной части внешних функций. Вместе с тем, выбор наименее болезненных вариантов развития территорий с проблемным государственным статусом, их отношений с соседями во многом зависит от прозорливости и мудрости основных заинтересованных международных акторов, как продемонстрировали события в Южной Осетии, эти ожидания оправдываются далеко не всегда [6].

В рамках обозначенных российской исследовательницей перспектив развития постсоветских непризнанных государственных образований, нам видится логичным обозначение третьей (смешанной) возможности – придание статуса ассоциативного государства путем, как ассоциативного включения в признанное и авторитетное на мировой арене государство, так и через ассоциативное членство в институциональных образованиях постсоветского пространства.

Анализ современного этапа общественного развития свидетельствует о том, что международное политико-правовое поле, сформировавшееся в значительной мере в эпоху ялтинско-потсдамских и хельсинских соглашений XX в., в настоящее время, во многом перестает отражать социальные реалии и нуждается в серьезной модернизации. Эффективно справившись с политико-правовым обеспечением нескольких волн антиколониальных революций 1950-1960-х годов, международное сообщество оказалось абсолютно не подготовленным к распаду СССР и Югославии на европейском континенте, равно как и к распаду Сомали в Африке. В этом смысле можно утверждать, что проблема «непризнанных» государств является не только политической, практической и правовой, но и научно-политической, научно-практической, научно-правовой.

Библиографический список

1. Атлас. Приднестровская Молдавская Республика. История. – Бендеры : Полиграфист, 2005.
2. Благодатских И. М. Государственная правопреемственность Приднестровья: сущность и значение проблемы / И. М. Благодатских // Социогуманитарные и естественнонаучные проблемы устойчивого развития: Приднестровье. – Тирасполь : Изд-во Приднестр. ун-та, 2008. – Вып. 2. – С. 49-56.
3. Воронов Ю. Н. Древняя Аписилия / Ю. Н. Воронов. – Сухум, 1998.
4. Лакоба С. З. Абхазия после двух империй / С. З. Лакоба. – М., 2004.
5. Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней / Д. Ливен. – М. : Европа, 2007.
6. Мелешкина Е. Ю. Формирование государств и наций на постсоветском пространстве [Электронный ресурс] / Е. Ю. Мелешкина // Международный институт гуманитарно-политических исследований. Официальный сайт. – Режим доступа: http://www.igpi.ru/bibl/other_articl/1253255532.html (Дата обращения 26.01.2013 г.).
7. Цуциев А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774-2004) / А. Цуциев. – М. : Европа, 2006.
8. Нагорный Карабах. Историческая справка / под ред. Г. А. Галоян, К. С. Худавердян. – Ереван : Издательство АН Армянской ССР, 1988.

У статті позначені політичні передумови виникнення на початку 1990-х років на пострадянському просторі невизнаних державних утворень і представлений аналіз ступеня їх впливу на хід політичної історії після розпаду союзнаї держави. Автором представлені історико-політологічні обґрунтування самовизначення пострадянських невизнаних держав. Розбіжність в СРСР адміністративно-політичних, економічних, етно-лінгвістичних, культурних та інших кордонів, на думку автора, стала першопричиною виникнення пострадянських держав, що самовизначилися.

Article contains political precondition for unrecognized state formations appearance at the post-Soviet territory in early 90's. Also author presents the analysis of their influence on political history course after USSR disintegration. The article also presents both historical and political science basis of the unrecognized post-Soviet states self-determination. Author comes to the conclusion that the costs of national policy in the USSR, discrepancy in borders, inexperience in establishing independent statehood most Soviet republics had led to the situation when after the collapse of the Soviet Union there was significant controversy between the residents of the new territorial entities and their parent-states concerning the state nature and state-building. In addition, inter-ethnic and inter-regional differences aggravated.

Стаття надійшла до редколегії 14.10.2013

УДК 324:342.573(4+5)

Милосердна І. М., НУ «ОЮА»

ЗАКОНОДАВЧЕ ЗАКРІПЛЕННЯ ТА ФУНКЦІОНУВАННЯ ІНСТИТУТУ РЕФЕРЕНДУМУ: СВІТОВИЙ ДОСВІД

Стаття присвячена проблемі законодавчого закріплення інституту референдуму, як форми безпосередньої демократії. Приділяється увага дослідженню особливостей проведення референдумів в країнах Європейського Союзу та Азії.

У зарубіжній літературі серед інститутів демократії особливе місце посідає референдум, предметом якого є закон. Нерідко вчені розглядають його як форму народного законотворення. Розгляд референдуму саме з такої точки зору зумовлений практикою застосування цього інституту у зарубіжних країнах. Так, шляхом референдуму були затверджені конституції Франції, Іспанії, Російської Федерації,